

А. В. Коптев

О ВРЕМЕНИ ПРИКРЕПЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РАБОВ К ИМЕНИЮ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(К вопросу об использовании памятников римского права
в качестве исторического источника)

Юридическое прикрепление сельских рабов к имениям в Римской империи никогда специально не рассматривалось как самостоятельная проблема. В основном этого вопроса касались исследователи, занимавшиеся позднеримским колонатом. А поскольку общепризнано, что в сельском хозяйстве Поздней империи прикрепление сельского населения к земле выразилось прежде всего в складывании зависимого колоната, то рабству в этой связи обычно отводилась второстепенная роль. Видимо, поэтому в исследовании колоната юридическое прикрепление колонов к имению считается важным рубежом в развитии этого института, тогда как при изучении рабства подобный рубеж выступает сильно размытым и ему не придают столь большого значения. Между тем во многих работах рабству отводится важная роль в сельском хозяйстве IV в.¹ Как подчеркивается в недавних исследованиях позднеантичного рабства рабовладельческие отношения сохраняли немалое значение во многих сферах жизни Империи вплоть до времени Юстиниана². Это неизбежно возвращает нас к уже ставившемуся в литературе вопросу: имеем ли мы дело все с тем же античным рабством, не изменило ли позднеантичное рабство свою природу, не приобрели ли отношения господина и раба новые черты, неизвестные в прежнюю эпоху³? И здесь следует обратить внимание на

¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 3. М., 1884. С. 412; Креймар М. К вопросу о хозяйственной эволюции древнего Рима // ВУИ. 1905. № 3. С. 14—15; Курбатов Г. Л. Рабы, рабство и проблема рабства в произведениях Либания // ВДИ. 1964. № 2. С. 96 сл.; Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв. // ВДИ. 1970. № 1. С. 132—133; Гаверилов В. Г. Рабочая сила по трактату Палладия // Вопросы аграрной истории древнего Рима. Чебоксары. 1977. С. 36—37; Корсунский А. Р. О положении рабов, отпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. // ВДИ. 1954. № 2. С. 47—51; Kuziścin V. I. Le caractère de la main d'oeuvre dans au domaine du IVe siècle d'après le traité de Palladius // Actes du colloque sur l'esclavage, Nieborów, 2—6. XII. 1975. Warszawa, 1979. P. 239 suiv.; ср. Лебедева Г. К. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 11—15.

² Курбатов Г. Л. К проблеме рабства в ранней Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 2. Л., 1978. С. 4—5. Лебедева. Социальная структура...

³ Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. P. 140; Seyfarth W. Sociale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. B., 1963. S. 144 f.; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 169; Härtel G. Einige Probleme zum Niedergang der antiken Sklaverei im spätrömischen Recht // Antiquitas. 1978. Bd 6. S. 111.

сельских рабов, юридический запрет продажи которых без имений привел к тому, что они, оставаясь по статусу рабами, фактически превратились в род крепостных, близких к колонам⁴.

Вопрос о времени установления прочной связи сельских рабов с имением в Римской империи генетически связан с проблемой причин их прикрепления к имению. Одни исследователи ищут причину прикрепления сельских рабов (как, впрочем, и колонов) к имению в необходимости повысить эффективность действия налоговой системы. При этом само прикрепление рассматривается ими как мера, отвечающая не более чем конкретным практическим запросам внутренней политики. Как и подобная мера в отношении колонов, эта тоже не сразу утвердилась в практике, поэтому правительством было вынуждено время от времени (вплоть до СІ.ХІ.48.7—371 г.) повторять запрет продажи сельских рабов без земли⁵. Очевидна зависимость этой точки зрения от господствующей в современной литературе о колонате концепции фискальных причин прикрепления сельского населения Поздней империи⁶.

Другая точка зрения имеет основой давнюю традицию представлять движение от античности к средневековью как эволюцию рабства в крепостничество или сходную с ним форму зависимости. Предпосылку прикрепления сельских рабов к имению в этом случае усматривают в постепенном вызревании их наследственной связи с обрабатываемой ими землей⁷. А непосредственную причину юридического закрепления этой связи видят в недостатке рабочей силы⁸. Но и при этой исходной посылке возможны разные решения нашего вопроса. А. Джоунз рассматривал появление острой потребности в рабочей силе в свете гипотезы о резком сокращении притока военнопленных в эпоху Поздней империи, что, по его мнению, и вынудило Диоклетиана прикрепить свободных сельских держателей к земле, а Валентиниана I — запретить продавать сельских рабов без земли (СІ.ХІ.48.7—371 г.)⁹. В работах Е. М. Штаерман при-

⁴ *Gsell St.* Esclaves ruraux dans l'Afrique romaine // *Mélanges G. Glotz*. Т. 1. Р., 1932. Р. 415; *Jones A. H. M.* The Caste System in the Later Roman Empire // *Jones A. H. M.* The Roman Economy / Ed. by P. A. Brunt. Oxf., 1974. Р. 407; *Brockmeyer N.* Antike Sklaverei. Darmstadt, 1979. S. 205 ff.

⁵ *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 47; *Ранович А. Б.* Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. 1951. № 1. С. 90; *Корсунский.* О положении рабов... С. 53; *Сюсюмов М. Я.* К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1. С. 58; *Seyfarth.* Sociale Fragen... S. 140.

⁶ *Saumagne Ch.* Du rôle del' «crigo» et du «census» dans la formation de colonat romain // *Byzantion*. 1937. V. 12. P. 487—581; *Pallasse M.* Orient et Occident a propos du colonate romain au Bas-Empire. Lyon, 1950. P. 8 ff.; *Jones A. H. M.* The Roman Colonate // *The Roman Economy* / Ed. by P. A. Brunt. Oxf., 1974. P. 297 f.; *Goffart W.* Caput and Colonate. Towards a history of Late Roman Taxation // *Phoenix*. Suppl. V. XI. 1974. P. 72 ff.; *Eibach D.* Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977. S. 50 ff.

⁷ Впервые подробно об этом написано в работе: *Rodbertus-Jagetzow K.* Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des klassischen Altertums. I. Zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern, oder der Adscriptitier, Inquilinen und Kolonen // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* / Begr. von H. Hildebrand, Jena, 1864. Bd 2—3. S. 206—268 (русс. пер: *Родбертус К.* Исследования в области национальной экономики классической древности. Вып. 1. Адскрипции, инквилины и колоны / Пер. с нем. Д. Невского. Ярославль, 1880).

⁸ *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. Ч. II. М., 1938. С. 682; *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 106 сл.; *Jones A. H. M.* Slavery in the Ancient World // *Economic History Review*. Ser. II. V. 9. 1956. P. 198.

⁹ *Jones.* Slavery... P. 198 f.; *idem.* The Later Roman Empire. V. II. Oxf., 1964. P. 795.

крепление сельских рабов рассматривается как более сложный процесс, имеющий глубокие корни в развитии римской экономики II—III вв. Ее выводы вкратце сводятся к следующему. Во II—III вв. как в сельском хозяйстве, так и в других отраслях экономики постепенно складывается устойчивый неразрывный комплекс «работник — средства производства»¹⁰. В сельском хозяйстве этот комплекс, состоящий из имения, орудий труда и работников, прежде всего рабов, составлял то понятие «имение с инвентарем», на которое ориентировались в своей практике юристы и которое во II—III вв. постепенно расширялось, вбирая в себя все новые категории обслуживающих имение лиц¹¹. Это расширение понятия «имение с инвентарем» на практике отвечало все большему распространению имений, отличавшихся от вилл, традиционных для классической эпохи римского рабовладения. Сельские рабы, будучи составной частью инвентаря имения, рассматривались — чем дальше, тем больше — как его неотъемлемая часть, без которой имение менее продуктивно и, соответственно, менее привлекательно для приобретения. Поэтому постепенно в праве распространяется негативное отношение к продаже имений без принадлежащих к ним рабов, которое со временем оформляется в ряде ограничений на продажу имений и сельских рабов отдельно друг от друга. Ко второй половине IV в. (СI.XI.48.7—371 г.) развитие этих ограничений вылилось в прямой запрет продавать сельских рабов отдельно от имений¹².

Таким образом, прикрепление сельских рабов к имению рассматривается в литературе как постепенный процесс, завершившийся во второй половине IV в. (371 г.). Начало этого процесса одни исследователи относят ко II—III вв., другие — к эпохе Диоклетиана и Константина. Концептуально это различие обусловлено разной оценкой причины принятия юридического запрета продажи сельских рабов без имения: в первом случае ее видят в недостатке рабочей силы вследствие падения производительности рабского труда¹³, во втором — главной причиной выступают фискальные интересы. Это нашло отражение и в разной трактовке используемых в качестве источника римских юридических текстов. В отличие от большинства исследователей, Е. М. Штаерман уже в юридических текстах II—III вв. находит предпосылки и признаки ограничения продажи сельских рабов без имения, или по крайней мере утверждения такого ограничения в качестве обычая.

«Возникновение и укрепление связи работника со средствами производства и с самим имением»¹⁴ Е. М. Штаерман рассматривает на материале разработки римскими юристами I—III вв. понятий «инвентарь», «оборудование», «имение с инвентарем» и «оборудованное имение». В специальной литературе обращено внимание на то, что проблема связи инвентаря с имением разрабатывалась римскими юристами применительно к легату, узупрукту и аренде, — иными словами, эти понятия обслуживали юридические нужды, а значит, споры о составе *instrumentum* и *fundus cum instrumento* преследовали лишь цель буквально выполнить волю юридических сторон¹⁵. А. Штайнвентер подчеркивает, что юридиче-

¹⁰ Штаерман. Кризис... С. 104 сл.; Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С. 61.

¹¹ Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 34.

¹² Штаерман. Кризис... С. 107 сл.; Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 62.

¹³ Штаерман. Кризис... С. 106.

¹⁴ Там же. С. 103.

¹⁵ См. Steinwenter A. *Fundus cum instrumento. Eine agrar- und rechtsgeschichtliche Studie*. Wien. Leipzig, 1942. S. 85.

ская формула *fundus cum instrumento* не использовалась, например, в практике продажи — при продаже имения инвентарь, если это в договоре специально не оговаривалось, не рассматривался как продающийся вместе с имением (Dig. 19.1.17 pr.; 2)¹⁶. По мнению же Е. М. Штаерман, «на деле за формальным моментом — требованием выяснения воли завещателя — определенно вырисовывается все усиливающееся убеждение в неразрывной связи работников с землей и средствами производства»¹⁷. «Постепенно развивается представление о взаимосвязи рабочей силы с недвижимым имуществом... Алфен считал, что рабы не включаются в понятие инвентаря имения» (Dig. 33.7.12.2). Но со временем утверждается противоположное мнение, согласно которому завещание имения с инвентарем предполагает передачу наследнику и находящихся в имении людей, которые включаются в понятие инвентаря (*instrumentum*)¹⁸.

Обратим, однако, внимание на то, что мнение, согласно которому рабы должны считаться составной частью инвентаря имения, появляется у юристов не во II—III вв., а уже в I в. до н.э. — I в. н.э., т. е. одновременно с противоположным мнением Алфена¹⁹. На юриста I в. н.э. Сабина ссылается Ульпиан, утверждая, что «в инвентарь имения входит то, что приготовлено для получения, сбора, сохранения урожая... Для получения, — как например, люди, которые обрабатывают поле, и те, которые их заставляют работать или являются их начальниками; в число их входят вилики и надсмотрщики...» (Dig. 33.7.8)²⁰. В сходном контексте и для еще более широкого понимания инвентаря Ульпиан ссылается даже на учителя Алфена — Сервия Сульпиция (в изложении его учеников — Dig. 33.7.12.6 — цит. ниже). Это позволяет думать, что различное понимание юристами состава инвентаря имения не коренилось в развитии и изменении хозяйственной практики, а имело иную основу. Ульпиан сообщает, что Алфен исключал из состава инвентаря всех людей, «так как он считал, что ничто живое не является инвентарем»²¹. Тогда как, очевидно, Сабин и его сторонники (а еще раньше Сервий Сульпиций) считали инвентарем все, что необходимо для обработки имения, независимо от физической природы этого необходимого²². Иными словами, если одни понимали инвентарь узко как орудия труда²³, то другие доводили эту же мысль до логического завершения, включая в состав *instrumentum* также рабов и животных, не имевших наравне с неодушевленными предметами юридического лица и трактовавшихся как *res* (см. Gaius. Instit. II.13; 14a; 15), почему и можно было рассматривать их как инвентарь. Конечно, трактовка юристами рабов в качестве инвентаря, выражаясь современным языком, была определенной юридической условностью, доведением до формально-логического конца принципа отсутствия у раба каких-либо прав

¹⁶ Ibid. S. 80—81.

¹⁷ Штаерман. Кризис... С. 104.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ср. также: Штаерман. Кризис... С. 104. Прим. 17; Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 33.

²¹ Dig. 33.7.12.2: ... quia nihil animalis instrumenti esse opinabatur.

²² Dig. 33.7.8 pr.: utilia culturae; Dig. 33.7.12 pr.: sine quibus possessio exerceri nequit; Dig. 33.7.15.2: desiderant tum villae quam agri custodiam; Dig. 33.7.19 pr.: mancipia fundi colendi gratia in fundo fuerint; Dig. 33.7.27.5: nec sine his fundi coli possunt.

²³ Cp. Varro. De l. Lat. V. 134: instrumenta rustica quae serendi aut colendi fructus causa facta; cp.: Dig. 19.2.19.2; 33.7.20 pr.; 6; 7; 9; 33.7.22 pr.; 1; 33.7.24; 33.7.27 pr.; 3; 4; Cf. VIII. 16.7—315.

и принципа полноты распоряжения им господина (точно так же, как трактовка его в качестве *res*), что на практике имело множество различных ограничений. Поэтому, когда А. Штайнвентер попытался отыскать обозначение рабов в качестве инвентаря в неюридической литературе, то оказалось, что привлеченные им авторы (*Cato* I.5; *Colum.* I.8.8; XII.3; *Val. Max.* IV.4.6; *Phaedrus* IV.5. 24; *Pallad. de agric.* I.43) понятием «инвентарь» обозначали только сельскохозяйственные орудия²⁴. И только блестяще образованный Варрон, переписывавшийся с юристом Сервием Сульпицием Руфом (*Gell.* II.10), удачно сформулировал принцип деления инвентаря на *vocale*, *semivocale* et *mutum* (*Varro, De r.r.* I.17.4), который с позиций современных представлений о развитии римского рабства во II в. до н.э. — I в. н. э. выглядит как подготовленный социально-экономическим развитием эпохи. Говоря о рабах как об *instrumenti genus vocale*, Варрон, безусловно, имел в виду реальную рабовладельческую действительность производственных отношений в сельском хозяйстве. В то же время, чтобы такое определение возникло, было необходимо уже в I в. до н. э., наряду с узким значением *instrumentum*, устойчивое представление и о его расширительном толковании²⁵. И текст Варрона, упоминающий *instrumenti genus vocale*, сообщает о двух точках зрения на «средства, которыми возделывают землю» (*Varro. De r.r.* I, 17.4; *agri quibus rebus colantur*), как раз в соответствии с двумя мнениями юристов о составе понятия *instrumentum fundi*: «Одни разделяют эти вещи на две части: на людей и дополняющие людей вещи, без которых они не могут возделывать землю; другие — на три части, на три рода инвентаря: говорящий, бессловесный и немой; говорящий, к которому относятся рабы, бессловесный, к которому относятся волы, немой, к которому относятся телеги»²⁶. Очевидно, что здесь «дополняющие людей вещи, без которых они не могут возделывать землю» (*adminicula hominum, sine quibus rebus colere non possunt*) — это инвентарь в узком смысле слова, т. е. орудия

²⁴ *Steinwenter. Op. cit.* S. 26; ср. *Штаерман. Кризис...* С. 104.

²⁵ Как известно, сам Варрон не был специалистом-практиком в сельском хозяйстве, черпая о нем сведения в основном из вторых рук. М. Е. Сергеев считает, что его целью было дать трактат о сельском хозяйстве в научной форме, которая удовлетворила бы образованных римлян его времени, считавших грубыми и ненаучными сочинения практиков Катона, Сазерны и др. (*Сергеев М. Е. Варрон и его «Сельское хозяйство» // Варрон. Сельское хозяйство. М. — Л., 1963. С. 6—7*). В этой связи она указывает (с. 20) на остроумное предположение Ю. Новаковой о том, что Варроново деление *instrumentum* на три рода или части было лишь классификаторской игрой слов, построенной по образцу подразделения звуков на *vocales*, *semivocales*, *mutae* (*Nováková J. Instrumentum vocale // Listy filologické. 1953. Roč. I (LXXXVI). С. 2. S. 230*). В этой статье показано, что термин *instrumentum* ни в каких текстах не обозначал отдельного трудящегося, поэтому его неправильно переводить как «орудие», а следует скорее как «оборудование, инвентарь» в собирательном смысле. Особенно это характерно для юридических текстов, где это понятие употреблялось и в более широком значении, например, *instrumentum litis* обозначал доказательный материал, включая и свидетелей любого статуса (см., например, *CI.X.1.5—222*). Ю. Новакова сосредоточила внимание на доказательстве того, что выражение «*instrumentum vocale*» не было общепринятым презрительным обозначением раба классической эпохи римского рабовладения. Меньше внимания она уделила качественному различию употребления термина *instrumentum* в юридических и агрономических текстах. Если агрономы-практики обозначали им в основном лишь орудия труда, то в интеллектуальных кругах, в частности у юристов, оно было многозначно. В более новой работе Г. Перля этому также не уделено внимания (см. *Perl G. Zu Varros instrumentum vocale // Klio. 1977. V. 59. S. 423—429*).

²⁶ *Varro. De r.r.* I.17.4: *Quas res alii dividunt in duas partes, in homines et adminicula hominum, sine quibus rebus colere non possunt; alii in tres partes, instrumenti genus vocale et semivocale et mutum, vocale, in quo sunt servi, semivocale, in quo sunt boves, mutum in quo sunt plaustra.*

труда и другие средства производства. Естественно, что он не включал в себя отделенных от него *homines*. Сторонники же другого мнения применяли термин *instrumentum* ко всему, что связано с имением: в него — как *genus instrumenti vocale* — включались и те *homines*, которые были *servi* ²⁷. Мы не знаем, заимствовал ли Варрон расширительное значение термина *instrumentum* из юридического языка, или же оба значения понятия «инвентарь» существовали в «естественном языке» и отсюда перешли в язык юристов. Однако очевидно, что в последнем они присутствовали еще в начальной стадии классической эпохи римской юриспруденции и не исключали одно другого.

Это позволяет внести уточнения в одно важное положение Е. М. Штаерман. С течением времени, по ее мнению, понятие инвентаря расширялось и «в представлении юристов имение становилось все более сложным производственным целым с различными отраслями» ²⁸. На практике такой процесс, видимо, действительно имел место. Однако вопрос о его отражении в сочинениях юристов II—III вв. представляется нам более сложным. Понятие *instrumentum* изначально имело два значения: широкое, включавшее все необходимое для обработки поля и сбора урожая (и даже для обслуживания работников), и узкое — то, что может считаться орудием. Не было никаких препятствий ко включению в широкое значение *instrumentum* всего соответствующего требуемой логике. Вполне возможно, что в сознании Сцеволы, Павла и Ульпиана с понятием *instrumentum fundi* связывалось большее количество разнообразных орудий и обслуживавших имение людей, чем в сознании их предшественников — Лабейона, Пегаса, Требатия. Они могли ставить вопрос о включении в *instrumentum* таких категорий имущества и людей, о которых до их времени не возникало необходимости задумываться. Однако решался этот вопрос строго в соответствии с тем логическим представлением о составе *instrumentum fundi*, которое принимал данный юрист. А правовая теория вполне позволяла расширять состав понятия *instrumentum fundi* до установленных формальной логикой пределов и без учета эволюции реальных отношений в производстве. Границы этих пределов не раздвигались приходом латифундиального хозяйства на смену рабовладельческим виллам, в этом не было необходимости: в римском праве параллельно с понятием *fundus cum instrumento* разрабатывалось более широкое понятие *fundus instructus* (оборудованное имение) ²⁹. Оно включало в себя вещи и людей, которыми хозяин (*pater familias*) укомплектовывал имение, хотя бы они и не входили в понятие *instrumentum fundi* ³⁰. Понятие *instruere* исполь-

²⁷ Varro. De r.r. I.17.2: Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utriusque...

²⁸ Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 34.

²⁹ Dig. 33.7.1 pr.: Sive cum instrumento fundus legatus est, sive instructus, duo legata intelliguntur.

³⁰ Dig. 33.7.12.27: «Но если имение будет отказано по легату не с инвентарем, но таким, как оно оборудовано (ita ut instructus est), спрашивается: охватывается ли этим больше, чем если бы оно было отказано с инвентарем? И Сабин в книге к Вителлию написал: должно быть признано, что больше, когда отказывается по легату оборудованное имение (instructus fundus), чем если с инвентарем; мы видим, что это мнение с каждым днем усиливается и укрепляется (increscere et invalescere). Нужно обратить внимание: насколько же в таком случае этот легат будет значительнее? И Сабин определил, и Кассий, согласно Вителлию, отметил: все, что собрано в нем, чтобы хозяину было способнее и удобнее (ut instructor esset pater familias), охватывается понятием инвентаря. Итак, представляется, что по этому легату передается не инвентарь поля, но свой собственный инвентарь (hoc ergo legato non agri instrumentum, sed proprium suum instrumentum reliquisse videtur)».

зовалось уже во времена Катона (Cato. De agric. 10.1). Не исключено, что различие между *fundus cum instrumento* и *fundus instructus* в какой-то степени могло отражать различие между имением с интенсивным, рационально организованным хозяйством и имением, хозяйство которого мало ориентировалось на связь с рынком³¹. Завещатель и действовавшие в его интересах юристы могли выбирать нужное из этих понятий, и какого-либо расширения понятия *instrumentum* для соблюдения воли завещателя не требовалось. То, что не могло быть включено в широкое значение *instrumentum* (как бывшее в имении *non pro instrumento*), могло быть завещано с имением по формуле *fundus instructus*³². Поэтому особых сложностей с составлением завещания на имение в том или ином виде либо на его оборудование или на рабов из этого имения у римлян не было. Сложности начинались лишь тогда, когда перед наследниками и представлявшими их интересы юристами вставал вопрос, что конкретно имел в виду завещатель³³. Содержание передаваемого определяла воля завещателя, согласно которой можно было завещать инвентарь отдельно от имения³⁴, рабов или других работников, не входивших в состав инвентаря имения, включить в него, причислив их к праву имения³⁵. Это позволяет усомниться в том, «что на протяжении второй половины II и III в. укреплялась точка зрения, согласно которой инвентарь, включавший как орудия, так и работников, является неотделимой частью имения»³⁶. Само представление об *instrumentum*, связанном с имением, было не простым, юристы тщательно различали *instrumentum fundi* (Dig. 33.7.8 pr.), *instrumentum instrumenti* (Dig. 33.7.12.6), *proprium suum instrumentum* (Dig. 33.7.12.27)³⁷.

³¹ В понятие *fundus instructus* включалось кроме необходимого для обработки имения еще все то, что хозяин «имел там для собственного употребления», включая «столы, отделанные слоновой костью, стеклянную посуду, золото и серебро, вина и т. п. (Dig. 33.7.12.28), «все, что он имел в имении не на время» (CI.VI. 38. 2—293: *non temporis causa in eo habuit*).

³² Впрочем, точка зрения Сабина, о которой он сам писал, что она «усиливается и укрепляется», не была единственной в его время. Ср. мнение Лабеоны — Dig. 33.7.5: *Si cui fundum et instrumentum eius legare vis, nihil interest, quomodo leges: fundum cum instrumento, an fundum et instrumentum, an fundum instructum*.

³³ Показателен в этом отношении текст Павла в Dig. 33.7.18.11: «(Завещатель) кому-то отказал по легату оборудованное имение, поименно перечислив отказанных рабов. Спрошено было: относятся ли к инвентарю остальные рабы, которых завещатель не перечислил? Кассий сказал: есть ответ, что хотя рабы и принадлежат оборудованному имению, тем не менее кажется, что отказаны по легату лишь те, которые перечислены, поскольку очевидно, что хозяин (*pater familias*) не имел в виду, чтобы под инвентарем подразумевались и рабы». Ср.: Dig. 33.7.12.44: «Цельс написал, что когда по легату передают рабов, которые находятся в имении, их викаррии не передаются, если при этом не очевидно, что завещатель имел в виду и викарриев».

³⁴ Dig. 33.7.21: *Cum fundus sine instrumentum legatus est...*

³⁵ Dig. 33.10.14: *Fundo legato, instrumentum eius non aliter legato cedit, nisi specialiter id expressum sit: nam et domo legata, neque instrumentum eius, neque supellex aliter legato cedit, quam si id ipsum nominatim expressum a testatore fuerit; Paul. Sent. III.6.48: Actor vel colonus ex alio fundo in eodem constitutus, qui cum omni instrumento legatus erat, ad legatarium non pertinet, nisi eum ad ius eius fundi testator voluerit pertinere. Ср.: Dig. 33.7.1 (Paulus libro IV. ad Sabinum). 1: Fundo cum instrumento legato, et alienato, instrumentum non vindicabitur ex sententia defuncti. Интересный комментарий в Paul. Sent. III.6.34 (*fundo vel servo legato tam fundi instrumentum quam servi peculium ad legatarium pertinet*), возможно, принадлежит уже эпохе «вульгаризации» римского права (*John E. K-P., Köhn J., Weber V. Die Kolonen in Italien und Westlichen Provinzen des Römischen Reiches. Eine Untersuchung des literarischen juristischen und epigraphischen Quellen vom 2. Jh.v.u.Z. bis zu den Severern. B., 1983. S. 185*).*

³⁶ Штаерман. Кризис... С. 104.

³⁷ Ср. Dig. 33.7.12.37: Согласно Папиниану, при завещании оборудованных имений к легату не причисляются рабы, которые там пребывают временно и которых отец

Споры же юристов о составе *instrumentum* и *fundus cum instrumento*, безусловно, связанные с эволюцией практики хозяйствования, тем не менее имели и другую сторону, которая позволяет искать для них несколько иные причины, чем предполагает Е. М. Штаерман. Рассмотрим в качестве примера некоторые наиболее известные тексты, посвященные проблеме включения в состав инвентаря имущества рабов-квазиколонов и виликов, рабский статус которых в принципе не возбранял рассматривать их как *instrumentum*. В литературе распространено однозначное представление, что квазиколонаты в состав инвентаря имущества не включались³⁸. Оно основывается на приведенном Ульпианом мнении Лабео и Пегаса, отрицавших включение квазиколоната и вилика в состав инвентаря — Dig. 33.7.12.3: *Quaeritur: an servus, qui quasi colonus in agro erat, instrumento legato contineatur? Et Labeo, et Pegasus recte negaverunt, quia non pro instrumento in fundo fuerit, etiam si solitus fuerat et familiae imperare*. Оценка «recte», данная Ульпианом приведенному положению, по общему мнению, означает его согласие с юристами I в.³⁹. Однако в общем контексте рассуждений Ульпиана о составе *instrumentum* его согласие с позицией Лабео и Пегаса кажется непоследовательным, если исходить из предположения о постепенном расширении понятия инвентаря⁴⁰. Ведь Ульпиан постоянно проводит мысль о необходимости следования расширительному значению *instrumentum*. Итак, см. Dig. 33.7.12: «Спрошено: входит ли в инвентарь хлеб, приготовленный для питания земледельцев? Большинство так не думает, ибо он съедается, а ведь инвентарь — это набор вещей длительного предназначения, без которых владением нельзя пользоваться; следует прибавить к этому, что продовольствие готовится скорее для продолжения жизни, чем ради возделывания земли. Но я считаю, и хлеб, и вино, приготовленные для питания, принадлежат к инвентарю; и Сервий так отвечал — это передают его ученики. Равным образом некоторым кажется, что хлеб, который отложен для посева, принадлежит к инвентарю; и я так считаю, ибо он вроде бы служит возделыванию земли и потребляется таким образом, что всегда восстанавливается; но в виде семян он ничем не отличается от продовольствия. § 1. Известно, что инвентарем является то, что (используется) ради сохранения урожая, как, например, хлебный амбар, ибо в нем сохраняют плоды, кувшины, лари, в которые плоды складываются, но и то,— что приготавливается

фамилии перевел не с тем намерением (*non eo animo*), чтобы сделать инвентарем или имущества, или собственным (*ut aut fundi, aut suum instrumentum faceret*).

³⁸ Липшиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии // ВДИ. 1955. № 4. С. 69; Удальцова З. В. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 16; Корсунский А. Р. Сельское население Поздней Римской империи // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985. С. 71; Weber M. Die Römische Agrargeschichte. Stuttgart. 1891. S. 276; Schulten A. Die römischen Grundherrschaften. Weimar, 1896. S. 95; Clausen R. The Roman colonate, the theories of its origin // Studies in History, Economic and Public Law. Columbia Univ. V. 117, № 1(260). N.Y., 1925. P. 281; Brockmeyer N. Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutswirtschaft des römischen Reiches. Diss. Bochum, 1969. S. 438. Anm. 70; Held W. Das Ende der progressiven Entwicklung des Kolonats am Ende des 2. und in der ersten Hälfte des 3. Jh. im Römischen Imperium // Klio. 1971. № 53. S. 249; Johne, Köhn, Weber. Op. cit. S. 191.

³⁹ Cp. Gilierti G. Servus quasi colonus. Forne non tradizionali di organizzazione del lavoro nulla societa Romana. Napoli, 1981. P. 99—100.

⁴⁰ Поэтому Е. М. Штаерман настаивает на том, что впоследствии юристы отошли от такой трактовки квазиколонов и наравне с колонами стали включать их в инвентарь (Кризис... С. 104, 107 сл.).

для перевозки плодов, как, например, упряжные животные и повозки, и корабли, и бочки, и мехи. § 2. Однако Алфен: если некоторые из многих людей отказаны по легату, остальные, которые находятся в имении, не причисляются к инвентарю. Он сказал это, так как считал, что ничто живое не является инвентарем. Это неверно, ведь известно, что те, кто находится там ради поля, причисляются к инвентарю ⁴¹. § 3. Спрашивается: причисляется ли к завещанному по легату инвентарю раб, посаженный на землю, подобно колону? И Лабеон, и Пегас правильно отрицали, так как он находился в имении не в качестве инвентаря, даже если он к тому же и управлял фамилией. § 4. С другой стороны, Лабеон считал, что лишь тот салтуарий причисляется, который используется для сохранения урожая, но не тот, который для охраны границ. Но Нератий считает даже, что и тот; и мы пользуемся тем правом, чтобы все салтуарии причислялись. § 5. Требатий, более того, полагал, что включаются даже хлебопек и садовник, которые приобретены для сельской фамилии, а также ремесленник, который приобретен для ремонта виллы, и женщины, которые пекут хлеб и которые обслуживают виллу, а также мельники, если приобретены для сельского использования (*ad usum rusticum*), а также повариха и вилика, если каким-нибудь своим делом помогает мужу, а также пряжи, которые одевают сельскую фамилию и которые готовят пищу для сельчан. § 6. Но, спрашивается, причисляется ли к инвентарю, завещанному по легату, инвентарь инвентаря? Ведь те, которые приобретаются в интересах сельчан: пряжи и шерсть, и циркульники, и сукновалы, и поварихи являются инвентарем не поля, но инвентаря. Итак, я полагаю, что причисляется даже кухонный мужик, но и пряжи, и прочие, которые были перечислены выше. И Сервий так отвечал — это передают его ученики...». По-видимому, практика реальных отношений оказывала влияние на Ульпиана в том смысле, что заставляла его ориентироваться предпочтительно на расширительное толкование *instrumentum fundi*. Но это имеет несколько иной смысл, чем предлагаемое Е. М. Штаерман расширение понятия «инвентарь» ⁴². Судя по историческим экскурсам Ульпиана, уже в I в. до н. э. — I в. н. э. у римских юристов, кроме основного различия во взгляде на состав инвентаря имения (§ 2: Алфен: «ничто живое не считается инвентарем»; Сабин: «те, кто ради поля находится в имении, причисляются к инвентарю»), существовал еще спорный вопрос относительно включения в него рабов-квазикононов и виликов (§ 3). Лабеон и Пегас, видимо, признавали включение в состав инвентаря и «живых», в том числе и рабов. Однако они были против включения труда квазиконона. Их аргумент: *quia non pro instrumento in fundo fuerat*, т. е. поскольку он выступал по отношению к имению как нечто внешнее. Ульпиан одобряет позицию Лабеона и Пераса (*recte*). В то же время добавление: «даже если к тому же и управлял фамилией» (т. е. выступал

⁴¹ Dig. 33.7.12.2: Alfenus autem: si quosdam ex hominibus alii legaverit, ceteros, qui in fundo fuerunt, non contineri instrumento, ait, quia nihil animalis instrumenti esse opinabatur. Quod non est verum; constat enim, eos, qui agri gratia ibi sunt, instrumento contineri.

⁴² Представляется, что подход Е. М. Штаерман к понятию *instrumentum* копируется в методике оценки текстов юристов I—III вв., в совокупности составляющих то, что называется догмой римского права. Ее подход подразумевает развитие правовой теории на основе прямого взаимодействия реальных отношений и юридической практики. Однако в юридической практике и соответственно юридических текстах I—III вв. не правовые нормы корректировались по реальным отношениям, а сами эти отношения подводились и подгонялись под действующие правовые нормы. Об этом см. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. Изд. 6-е. Киев, 1919. С. 1—4.

в роли вилика) показывает, что вилика все три юриста причисляли к инвентарю. Вилик, управляющий сельской фамилией, по отношению к имению как нечто внешнее (*non pro instrumento*) не выступал (ср. Dig. 33.7.8). Почему же квазиколон, фактически также находившийся в имении *agri gratia* и даже выполнявший заочно функции вилика, рассматривался как находящийся вне инвентаря? Безусловно, в глубинной основе этого была реальная ситуация, охарактеризованная Е. М. Штаерман: «На вилле не только колон, но и раб, со своим инвентарем обрабатывавший выделенный ему участок, как бы выпадал из общей системы хозяйства виллы, из осуществлявшейся в ней кооперации и разделения труда»⁴³. Однако думается, что мысль римских юристов апеллировала не к содержанию хозяйственной практики непосредственно, а к более поверхностным отношениям, складывавшимся на ее основе. В данном случае квазиколон не признавался инвентарем потому, что был логической аналогией колона, который как свободный и юридически равноправный господину имения считаться инвентарем не мог.

Это подтверждается, на наш взгляд, и приведенным у Е. М. Штаерман завещанием оборудованных имений, одно из которых обрабатывал раб Стих⁴⁴. «Некто отказал по легату своему отпущеннику Сею какие-то имения такими словами: „Моему отпущеннику Сею передаю это и то имения такими, как они оборудованы, с доходами и платежами (*cum dotibus et reliquis*) колонов, с салтуариями и их сожителями и сыновьями, и дочерьми“. Спрашивается, раб Стих, который возделывал одно из этих имений и задолжал крупную сумму, будет ли должен на основе фиденкомисса Сею? Ответ: если он возделывал имение не по доверию господина, но за плату, подобно посторонним колонам (*si non fide dominica, sed mercede, ut extranei coloni solent, fundum coluisset*), не должен» (Dig. 33.7.20.1). Раб Стих, самостоятельно обрабатывавший имение, т. е., очевидно, находившийся на положении квазиколона⁴⁵, как сообщает Сцевола, разбирающий это завещание, мог быть связан с господином (а не имением!) на двух различных условиях. Либо он платил денежную ренту, подобно тому как это делали посторонние колоны, т. е. арендаторы по договору на срок, либо он обрабатывал имение «по доверию господина», т. е., ведя хозяйство как квазиколон, находился в каких-то иных, чем в первом случае, отношениях с господином. Каковы эти отношения?

Выяснению этого помогает принадлежащий Павлу комментарий, в котором фигурирует выражение *fide dominica* и дается ссылка на того же Сцеволу: «Когда спрашивалось о вилике, включается ли он в инвентарь, и возникали сомнения, то спрошенный Сцевола ответил: если не за определенную сумму, но по доверию господина возделывал (имение), должен

⁴³ Штаерман. Крпзис... С. 107.

⁴⁴ Там же. С. 107 сл.

⁴⁵ Дж. Джилберти ясно показал, что выражение *mercede* означает не заработную плату работникам, а платежи арендаторов землевладельцу (*pensio*). Особенно очевидно это из Dig. 33.7.19.1: *mercedem praestabat*; *Paul. Sent. III.6.40: mercedem praestare consueverunt*; Dig. 33.7.12.8: *in mercedem mittuntur* (*Gilberti. Op. cit. P. 44. Not. 20; P. 40, 117—122*). Поэтому он выступает против стремления видеть неких *mercenarii* в тех, кто обрабатывал имение «за плату, подобно посторонним колонам» (*Ibid. P. 69, 71*). С его точки зрения, это были привилегированные рабы, тогда как работавшие «по доверию господина» — это «нормальные» рабы (*Ibid. P. 116, 120*). Обе категории работали в имении своего господина, ведя самостоятельное хозяйство подобно колону.

(включаться)»⁴⁶. Противопоставление *pensionis certa quantitate* — *fide dominica* составляет явную параллель с *mercede* — *fide dominica* предшествующего текста⁴⁷. Два типа виликов, один из которых включается в состав инвентаря, а другой — нет, очень напоминают ситуацию, уже известную нам из Dig. 33.7.12.3, где подразумевается, что обычный вилик включается в состав инвентаря, а если виликом выступал квазиколон, то такой вилик-квазиарендатор в инвентарь не включался⁴⁸. Понять разницу между двумя типами виликов помогает другой текст Павла: «Если заключен договор с чьим-либо виликом, то не дается иска к господину, так как вилик назначается для сбора плодов, а не для извлечения прибыли. Однако если я буду иметь вилика и для отчуждения товара, то не будет несправедливым допустить предъявление мне иска по образцу иска, вытекающего из назначения инститор (exemplo institoriae actionem)» (Dig. 14.3.16). Отсюда видно, что вилик из своих рабов, обрабатывавший имение «по доверию господина», — это тот, кто был обычным организатором производства, т. е. «назначался для сбора плодов, а не для извлечения прибыли». *Fide dominica* по отношению к такому вилику, видимо, обычная милость господина, выделившего его из других рабов. Тот же, что *pensionis certa quantitate... coleret*, — тоже свой раб, но получивший от господина определенные полномочия и «вносящий определенную сумму денег» в качестве арендной платы. Понятно в таком случае, почему вилик-квазиарендатор не включался в состав *instrumentum*: он занимал как бы внешнее положение по отношению к имению и всему *apparatus rerum diutius mansurarum*, используемому для его обработки, т. е. был в имении *non pro instrumento*. Аналогичным образом, видимо, и в положении квазиколона из Dig. 33.7.12.3 определяющую роль играло его подобие колонам, арендовавшим имение на срок и платившим фиксированную арендную плату⁴⁹. Такие колоны были чужими в имении и занимали по отношению к его инвентарю внешнее положение.

И это заставляет нас вновь вернуться к рабу Стиху из Dig. 33.7.20.1, которого Сцевола сравнивал с *extranei coloni*. В отличие от Dig. 33.7.12.3, здесь упомянуты два типа квазиколонов. Одни возделывают землю *mercede ut extranei coloni solent* и подобны квазиколонам в тексте Ульпиана, они выступают в роли квазиарендаторов. Очевидно, они также не включались в состав *instrumentum*, хотя сам текст этот вопрос не поднимает⁵⁰.

⁴⁶ Dig. 33.7.18.4: Cum de vilico quaereretur et an instrumento inesset et dubitaretur, Scaevola consultus respondit: si non pensionis certa quantitate, sed fide dominica coleret, deberi.

⁴⁷ *Gilberti*. Op. cit. P. 129.

⁴⁸ Для нас очевидно, что оба вилика, которых имеет в виду Dig. 33.7.18.4, были своими рабами для владельца *instrumentum*. Е. М. Штаерман допускает предположение, что вилик, который *pensionis certa quantitate... coleret*, мог быть свободным наемником, который в таком случае здесь противопоставлен обычному вилику (*Штаерман. Трофимова*. Ук. соч. С. 41). Но она же добавляет, что, судя по Dig. 33.7.20.1, это мог быть и раб.

⁴⁹ Такого же рода отношения с господином определяли и невключение в состав инвентаря имущества рабов-ремесленников — Dig. 33.7.19.1: ... *servus vero arte fabrica peritum, qui annuum mercedem praestabat, instrumento villae non contineri*.

⁵⁰ Ср. *Штаерман*. Кризис... С. 107 сл.; *Weber*. Op. cit. S. 276. Ann. 117a; *Buckland W. W. The Roman law of slavery. The condition of the slave in private law from Augustus to Justinian*. Cambr., 1908. Repr. L.—N.Y., 1970. P. 77. Not. 8; *Gilberti*. Op. cit. P. 12; *Johne, Köhn, Weber*. Op. cit. S. 185. В самом тексте идет речь не о включении в состав инвентаря, а о завещании по легату оборудованных имений (*ita ut instructi sunt*), с одним из которых передавался Стих. Он доставался Сею независимо от того, обрабатывал ли имение «по доверию господина» или «внося арендную плату». Противопоставление этих двух возможных положений Стиха по-разному ставит вопрос лишь о его задолженности.

Другие, возделывавшие землю *fide dominica*, видимо, так же как обычные вилики, не имевшие специальных полномочий от господина, пользовались лишь «доверием» последнего. Не имея никаких квазиправовых отношений с господином, такие квазиколоны сами вполне могли рассматриваться в качестве *instrumentum*⁵¹. Таким образом, рабы-квазиарендаторы *mercede* отличались от рабов-квазиколонов *fide dominica* наличием у них квазиправ на ведение дел, что позволяло им платить оброк деньгами, возможно, по аналогии с арендаторами, в виде твердо фиксированной суммы⁵².

Расслоение рабов-квазиколонов, вероятно, соответствовало изменениям в положении колонов, которые и были тут практическим и юридическим образцом. Во времена Лабеоны и Пегаса колоны в основной своей массе были арендаторами по договору на срок, платившими денежную арендную плату (*Dig. 47.2.26.1: qui nummis colat*), и в имении — чужими (*extranei*), т. е. *non pro instrumento*. Договор таких колонов с землевладельцем оформлялся юридически, поэтому отношения с ними были тем образцом, на который ориентировались юристы (*Dig. 19.2.13.11.*). Но ко времени Сцеволы, видимо, не меньшее значение приобрела и другая категория колонов, которые Колумеллой определялись как *coloni indigenae* (*Colum. de r.r. I.7*), а в более позднее время как *coloni originales* (*СTh. XI.1.14 = CI. XI.48.4 — 366 г.*), бывшие постоянными жителями имения и не рассматривавшиеся как *extranei*. Отношения с ними определялись не договором (*ср. Dig. 19.2.14*), а «доверием» господина — *fides dominica*. Эволюция положения колонов повлекла за собой и изменения в среде квазиколонов, в правовой сфере выразившиеся в отделении от квазиарендаторов категории квазиколонов *fide dominica*. Похожую эволюцию претерпело и положение виликов: наряду с виликами, работавшими по доверию господина и считавшимися частью инвентаря имения, появляется категория виликов, юридически занимавших как бы внешнее по отношению к имению положение, так как они находились в квазидоговорных отношениях с господином и перестали рассматриваться *pro instrumento*⁵³.

⁵¹ Косвенно подтверждает это соображение текст *Paul. Sent. III.6.38: Uxores eorum qui operantur magis est ut instrumento cedant...40. Uxores vero eorum, qui mercedes prestare consueverunt, neque instructionis neque instrumenti appellatione continentur.*

⁵² Наличие квазиправ и объясняет, почему Стих, работавший *mercede*, не был должен Сею. По завещанию передавались *reliqua* «своих» колонов, работавших *fide dominica*. Долг Стиха (ведь он — *reliquatus*) был, видимо, частью подобных же *reliqua* (*Giliberti. Op. cit. P. 119—120*). Но наличие у Стиха, имевшего квазидоговор с господином, долга последнему выходило за рамки их квазиправных отношений и таким образом не касалось легатария, т. е. дело не в том, кому должен Стих, а в том, правомерен или нет сам вопрос о долге. Подобного рода ситуация рассматривается в *Dig. 33.7.20.3: «Некто передал по легату имения таковыми, как они были оборудованы с доходами и платежами (cum dotibus et reliquis) колонов и виликов, и рабами, и всем скотом, и пекулиями, и с актором. Спрошено: исключаются ли из вышеперечисленного, входящего в легат, платежи колонов, которые по окончании срока аренды, предоставив поручительство, покидают место аренды? Ответил: не кажется, что имеются в виду эти платежи». Уходящие из имения колоны здесь *extranei*, так как они представляют поручительство. А *reliqua*, входящие в легат, это платежи «своих» колонов. Сцевола в данном тексте предостерегает от смешения этих групп колонов, отношения с которыми различны.*

⁵³ Завершение этого процесса, видимо, выражено в «Сентенциях Павла» (*III.6.47—48*): «Когда по легату передается имение с рабами и скотом, и со всем инвентарем, сельским и городским, то предпочтительно считать, что пекулий актора, умершего ранее завещателя, если он был из того же имения, принадлежит легатарии. Актор или колон, помещенный из другого имения в то, которое передано по легату со всем

Таким образом, на наш взгляд, развитие понятия *instrumentum* в римском праве не сводилось к «постепенному укреплению отразившейся и в праве мысли о постоянной связи фамилии с имением, которое она обрабатывала»⁵⁴. Уже одна ничем не ограниченная возможность передавать *instrumentum* отдельно от имения не позволяет говорить, что происходившее, вероятно, на практике укреплении связи сельских рабов с имением нашло прямое выражение и в правовых отношениях⁵⁵. Развитие юридических понятий *instrumentum* и *fundus cum instrumento*

инвентарем, не принадлежит легатарии, если только завещатель не пожелал, чтобы он принадлежал к праву этого имения (*ad ius eius fundi... pertinere*). А. Штайнвентер (Op. cit. S. 78) считает, что это место «Сентенций» подверглось переработке в позднюю эпоху. Если это так, то закономерна замена здесь виллика с полномочиями инстингтора на актора, в законодательстве Поздней империи последний термин почти полностью вытеснил виллика (*Gsell*. Op. cit. P. 410 ff.). Вполне вероятно и предположение Е. М. Штаерман, что практика использования вилликов и акторов как инстингторов приобретала все большее распространение уже к началу III в. (*Штаерман, Трофимова*. Ук. соч. С. 42). Однако трудно согласиться с ее мнением, что «актор и колон вписывались в устав имения и считались к нему прикрепленными» (Там же. С. 61). Также нельзя принять и мнение Н. Брокмейера, что это место «Сентенций» перекликается с более поздней нормой, «что никакое сельское имение не должно отчуждаться без его колонов» (*Brockmeyer*. Arbeitsorganisation... S. 274). Включение актора и колона в *ius* определенного имения здесь означало не более чем переход их легатарии при завещании определенного имения по формуле *fundus cum instrumento*, тогда как в противном случае они доставались другому наследнику, получавшему другое имение, с которым они были связаны, т. е. постоянно жили в нем и обрабатывали его. Механизм, при помощи которого понятие *instrumentum* обслуживало интересы легатария, разъясняет текст Dig. 30.112 pr.: *Si quis inguilinos sine praediis quibus adhaerent legaverit, inutile est legatum; sed an aestimatio debeatur, ex voluntate defuncti statuendum esse, divi Marcus et Commodus rescripserunt* («Если кто-либо передаст по легату инквиллинов без имений, к которым они относятся, то легат недействителен; но должна ли быть произведена (денежная) оценка, следует устанавливать, исходя из воли умершего, — так предписали божественный Марк и Коммод»). Исследователи-историки, стремясь увидеть в этом тексте реальные отношения, часто считают инквиллинов прикрепленными к земле (*Виноградов*. Ук. соч. С. 58; *Гемп А. Г.* Трибутарии и инквиллины поздней Римской империи // ВДИ. 1954. № 4. С. 82; *Штаерман, Трофимова*. Ук. соч. С. 56; *Seeck O.* Colonatus // RE. 1900. Hebd 7. S. 496; *Heitland W. E.* Agricola. Cambr., 1924. P. 360; *Saumagne*. Op. cit. P. 490; *Jones*. The Roman Colonate. P. 296; *Brockmeyer*. Arbeitsorganisation... S. 274; *Piganiol A.* L'Empire Chrétien (325—395). P., 1972. P. 307. Note 2; *MacMullan R.* Roman government's response to crisis A. D. 235—337. New Haven—London. 1976. P. 177; *Held*. Das Ende... S. 250; *Mazza M.* Terra e forme di dipendenza nell'impero romano // Terre et paysans dependants dans les sociétés antiques: Colloque intern. à Besançon les 2 et 3 mai 1974. P., 1979. P. 472) или даже рабами (*Rodbertus-Jagetzow*. Op. cit. S. 228; *Leonhard R.* Inquilinus // RE. 1916. Hlbd 18. S. 1559; *Jacota M.* Les transformations de l'économie romaine pendant les première siècles de notre ère et la condition de l'esclave agriculteur // Etudes Macqueron. Aix-en-Provence, 1970. P. 380). Между тем логика у Марциана здесь следующая. Завещается имение, в котором имеются инквиллины, рассматриваемые как передающиеся вместе с ним. Как свободные люди инквиллины не могли завещаться, но в случае передачи имения они могли переходить к наследнику, так как завещались, собственно, не они, а имение (*Фюстель де Куланж Н. Д.* Римский колонат. СПб., 1908. С. 67. Прим. 2). Но на случай, если завещатель хотел завещать имение и его инвентарь разным наследникам (поэтому и возник вопрос о передаче инквиллинов без земли), Марк Аврелий и Коммод предложили решение: для выполнения воли завещателя производится оценка (*aestimatio*) хозяйственных возможностей этих инквиллинов, сами они, естественно, оставались в имении, а установленную сумму оценки новый владелец имения выплачивал тому наследнику, которому был завещан инвентарь.

⁵⁴ Штаерман. Кризис... С. 105.

⁵⁵ Ссылка Е. М. Штаерман на «высказанную юристами мысль, что орудия производства без работника не могут принести пользы наследнику», за которой следуют далеко идущие выводы (см. Кризис... С. 106), опирается на имеющую частный характер фразу Марциана в Dig. 33.7.17: *...quum balneae sine balneatoribus usum suum praeferre non possint*.

не было следствием каких-либо законодательных актов, ограничивавших власть господ над сельскими рабами, и сами эти понятия не влекли за собой такого ограничения. Единственной ссылкой на закон Септимия Севера и на связываемую с ним конституцию Константина ⁵⁶, недостаточно. По мнению Е. М. Штаерман, запрет Септимия Севера кураторам и опекунам продавать сельские имения подопечных без особого разрешения презида провинции (Dig. 27.9.1) подвергся «расширительному толкованию... появившемуся, очевидно, вскоре после его издания» (т. е., видимо в III в.), которое «могло иметь место только потому, что практика пошла значительно далее юридической теории и, по понятиям землевладельцев III в., сельская фамилия была неотъемлемой частью того имения, которое она постоянно обрабатывала» ⁵⁷. Юридически это расширительное толкование было выражено конституцией 326 г. (CTh. III.30.3 = C.I.V.37.2), в которой «Константин, еще более ограничивая право опекунов, пишет, что им дозволено продавать все, кроме имений и сельских рабов, по-видимому, имея в виду именно этот закон Септимия Севера» ⁵⁸. Но, как показал В. Зейфарт, оба постановления — Севера и Константина — связаны между собой лишь в части защиты имущества и прав опекаемых ⁵⁹. На наш взгляд, нельзя считать непосредственной целью этой конституции Константина ни ограничение права опекунов именно в части распоряжения имениями и сельскими рабами, ни распространение северовского закона, запрещавшего продажу земли, и на продажу сельских рабов. Касаясь того же вопроса, что и Север, — о правах опекунов, — Константин излагал его в соответствии с нормами, действовавшими в 20-х годах IV в. Отчего изменились эти нормы по сравнению со временем Севера и произошло ли это уже в III в., конституция 326 г. не сообщает. Данная конституция Константина отразила представления, определившие все законодательство первой половины IV в. в отношении сельских — вписанных в ценз имений — рабов, и это заставляет предполагать скорее фискальные причины прикрепления последних.

Не вела к обязанности господ сохранять связь сельских рабов с определенным имением и распространившаяся еще в Ранней империи практика покровительства их семейным связям (см., например, Dig. 21. 1. 35; 50. 16. 220. 1). При продаже или передаче таких рабов по возможности старались сохранить их родственные связи, что прослеживается уже с I в. ⁶⁰, но связь их с землей или имением была частным делом господина. На практике, конечно, рабские семьи могли поколениями обрабатывать одно имение, укореняться в нем ⁶¹, но господина это не связывало ⁶². Даже в IV в. Константин в имениях Сардинии был вынужден восстанавливать санкцией правительства семейные связи рабов, без размышления

⁵⁶ Штаерман. Кризис... С. 105 сл.

⁵⁷ Там же. С. 106.

⁵⁸ Там же. С. 105 сл.

⁵⁹ Seyfarth. Sociale Fragen... S. 91—93.

⁶⁰ Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 18.

⁶¹ На такие поколения рабов, обрабатывавших один и тот же участок земли, указывают приведенные Ст. Гзелем надписи CIL.VIII. 20084 и 20085 (Op. cit. P. 413).

⁶² В Dig. 50.16.220.1 Каллистрат, говоря о передаче по легату имения с вилком, его сожительницей и их детьми, отмечает, что и внуки тоже обычно передаются, но в том случае, если не будет другого распоряжения завещателя. Значит, сохранение рабских семей было обычаем, но не юридической нормой. То же самое следует и из рассуждения Ульпиана в Dig.33.7.12.7: «В отношении жен и детей тех, которые перечислены выше, следует считать, что завещатель желает, чтобы они причислялись к легату; ведь не верится, что он будет совершать жестокое разделение».

нарушенные посессорами во время передела имений (CTh. II. 25. 1—325 г.). Эта его мера имела причиной не обязательность сохранения этих связей, а необходимость прекратить дразги землевладельцев по поводу перераспределения земель и рабочей силы и связанный с этим поток жалоб. Споры посессоров, видимо, возникли из-за выплаты положенных по цензу имения налогов, когда с некоторых имений были сведены рабы, обретшие семью в другом имении. Восстановление рабских семейных связей выступило здесь лишь как удобный способ решения споров посессоров, опиравшийся на традицию покровительства таким связям⁶³. Точно так же неоднократные в IV в. постановления, напоминавшие в тех или иных конкретных случаях о запрещении продажи сельских рабов без имения⁶⁴ и частотой своего повторения как бы внедрявшие этот запрет в сознание, показывают, что до IV в. связь рабов с имением никак не укрепились.

Все это заставляет особенно внимательно отнестись к первым конституциям начала IV в., где трактуется положение сельских рабов относительно имения. Первые по времени сохранившиеся конституции, приходящиеся на правление Константина, относятся к охране интересов опекаемых несовершеннолетних⁶⁵. Сельские рабы (*mancipia rustica*) в них фигурируют вместе с имениями, но вопрос о запрете их разделения прямо не ставится, запрещается лишь продажа тех и других без специального разрешения. Две конституции, Константина 323 г. и Констанция 337 г., составляющие девятый титул Кодекса Феодосия «*De distrahendis pignoribus, quae tributum causa tenentur*»⁶⁶, допускают продажу по суду имений или рабов в случае, если их господа не справлялись с фискальными обязанностями и оказывались должниками фиска. Это говорит о том, что в первой половине IV в. продажа рабов из имений допускалась лишь в особых случаях, но о каком-то ее ограничении ввиду тесной внутренней связи сельских рабов с имениями речи нет. Причиной ограничения их продаж уже в двух последних конституциях выступают фискальные нужды. Еще ярче это видно в конституциях Константина, Констанция и Валентиниана I (с Валентом и Грацианом), где сельские рабы определяются как *mancipia adscripta censibus et rustici censitue servi* (CTh. XI.3.2. — 327 г.; CTh. VII.1.3 = CI. XII.35.10 — 349 г.; CI. XI.48.7 — 371 г.).

Первая из них, изданная в 327 г., обычно рассматривается как разрешение на продажу сельских рабов только внутри провинции и соответственно запрет продавать их за ее пределы⁶⁷. Поэтому Е. М. Штаерман рассматривает эту конституцию как еще один шаг на пути ограничения свободы распоряжения сельскими рабами⁶⁸. Но нам кажется, что смысл

⁶³ Еще К. Родбертус обратил внимание на то, что конституция 325 г. доказывает отсутствие у рабов в это время прочно установившейся связи с землей и сама, таким образом, выступает в общем русле законодательства, запрещавшего отделять сельских рабов от имений (Родбертус. Ук. соч. С. 42; Мухин Н. Ф. Отношение христианства к рабству в Римской империи. Киев, 1916. С. 469).

⁶⁴ В Кодексах сохранились: CTh. X. 1. 2 — 319 г.; CTh. III. 32.1 — 322 (325?) г.; CTh. III. 30.3 = CI. V. 37. 22—326 г.; CTh. XI. 3. 2—327 г.; CTh. VII. 1. 3 = CI. XII. 35. 10—349 г.; CI. XI. 48. 7—371 г.

⁶⁵ CTh. III. 30. 3 = CI. V. 37. 22 — 326 г.; CTh. III. 32. 1 — 322 (325?) г.

⁶⁶ CTh. XI. 9. 1 — 323 г.; CTh. XI. 9. 2 — 337 г.

⁶⁷ Ранович. Ук. соч. С. 90; Штаерман Е. М. Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1951. № 2. С. 90; Корсунский. О положении рабов... С. 53; он же. Сельское население... С. 71; Westermann. Op. cit. P. 133; Seyfarth. Sociale Fragen... S. 140; Jones. The Later Roman Empire. P. 1329. Not. 68; Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Kriese im Westen des römischen Reiches. B., 1974. S. 101; Eibach. Op. cit. S. 135. Anm. 340; John, Köhn, Weber. Op. cit. S. 20.

⁶⁸ Штаерман. Рабство... С. 90.

конституции несколько иной: «Пусть вписанные в ценз рабы распродаются в пределах провинции, и те, кто в результате покупки окажутся обладателями доминия, пусть знают, что им надо иметь это в виду. Разумно, чтобы то же самое соблюдалось и применительно к имению, ибо все соглашения лишаются силы, а тяготы и государственные платежи пусть ложатся на тех, в чей доминий перешли эти владения»⁶⁹.

Прямого запрещения продавать сельских рабов за пределы провинции в самом этом тексте нет. Чем обусловлено содержащееся в нем позволение продавать их внутри ее пределов, можно только догадываться, так как мы имеем дело лишь с обрывком конституции 327 г.⁷⁰ Однако можно думать, что это было связано не с развитием сельского рабства или рабовладения в целом, а с фискальной политикой государства. На это указывает и название титула, под которым эта конституция помещена в Кодексе Феодосия: «*Sine censu vel reliquis fundum comparari non posse*». Рабы, вписанные в цензы (*mancipia adscripta censibus*), выступают здесь лишь как часть имущества, связанного с имением по цензу. Связь таких рабов с имением, таким образом, уходит корнями в фискальную политику Диоклетиана — Константина. Это позволяет сблизить ее с конституцией CI. XI.48.7—371 г., последней по времени упоминающей *rusticos censitosque servos*. С ней, видимо, из-за отсутствия более поздних постановлений подобного характера связывают окончательное оформление запрета продажи сельских рабов без имения⁷¹. Целью этой конституции Валентиниана, Валента и Грациана, как и целью CTh. XI.3.2 — 327 г., было сохранение имений как источника дохода для фиска⁷². Однако по сравнению с конституцией Константина ее содержание шире и определеннее: «Пусть повсюду таким же образом не будет позволено продавать сельских вписанных в ценз рабов, так же как оригинариев без земли (*Quemadmodum originarios absque terra, ita rusticos censitosque servos vendi omnifariam non licebit*). Пусть, однако, не воспользуется этим законом насмешник, замысливший обман, что в отношении оригинариев часто делалось, когда с передачей покупателю небольшой части земли прекращалась обработка всего имения в целом. Но когда общая масса имений (*soliditas fundorum*) или их определенная часть перейдет к кому-либо, то пусть перейдет столько рабов и оригинариев, сколько у прежних господ и посессоров или в целом (*soliditate*), или в части осталось. И пусть покупатель считает потерянной плату, которую даст, тогда как продавцу разрешено предъявление иска для возвращения рабов с их потомством (*cum agnatione*). И если даже

⁶⁹ CTh. XI. 3. 2—327: *Mancipia adscripta censibus intra provinciae terminos distrahantur et qui emptione dominium nacti fuerint, inspiciendum sibi esse cognoscant. Id quod in possessione quoque servari rationis est: sublatis pactionibus eorundem onera ac pensitationes publicae ad eorum sollicitudinem spectent, ad quorum dominium possessiones eadem migraverunt.*

⁷⁰ В словах «*intra provinciae*» можно увидеть указание либо на ограничение круга возможных покупателей таких рабов, либо, напротив, на какое-то исключение из правила: «*sine censu vel reliquis fundum comparari non posse*» (CTh. XI. 3).

⁷¹ Виноградов. Ук. соч. С. 47; Мухин. Ук. соч. С. 469; Штаерман. Рабство... С. 90; Корсунский. О положении рабов... С. 53; Штаерман. Кризис... С. 107; Лебедева. Социальная структура... С. 78; Clausen. Op. cit. P. 313; Jones. The Later Roman Empire. P. 795; Elbach. Op. cit. S. 136; Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1975. P. 94; John, Köhn, Weber. Op. cit. S. 21.

⁷² Эту же цель, видимо, преследовала и конституция Констанция префекту претория Тапиану: «Кто бы из вольнов ни заслужил перевезти к себе согласно нашему предписанию свою фамилию, твое сиятельство должно следить, чтобы к ним были направлены только жена, дети и даже рабы, купленные из лагерного пекулия и не вписанные в ценз» (CTh. VII. 1.3 = CI. XII. 35. 10—349).

по какой-либо причине он не воспользуется предоставленной законом возможностью и умрет, так и не возбудив дела, мы даем его наследникам право возбудить иск против наследников покупателя, вне зависимости от давности. Ведь никто не станет отрицать, что тот, кем что-либо куплено вопреки запрету законов, владеет недобросовестно (*malae fidei possessor*)» (C.I.XI.48.7—371 г.)⁷³. По-видимому, периодически пресекавшиеся законодательством попытки разделить землю и обрабатывавших ее работников часто имели целью каким-то образом обмануть податное ведомство⁷⁴. Быть может, наличие юридически оформленной купчей на землю без работников позволяло претендовать на частный внеочередной пересмотр обложения⁷⁵? По крайней мере, Константин в 327 г. полностью сохранил государственные подати за новыми владельцами имений, невзирая на условия совершенных сделок (*sublatis ractionibus*), т. е., возможно, наказав таким образом покупателей, вынужденных платить подати и нести повинности в соответствии с цензом имений, хотя и лишившихся работников.

Такая мера имела частный характер и не гарантировала на будущее адекватное решение возникшей правовой ситуации: господа рабов как собственники имели право их продать, но теперь было запрещено отделять их от имения. Двойственность права позволяла обходить неудобную новую норму и требовала более определенного постановления. Вероятно поэтому, несмотря на то что запрет продавать сельских рабов без имений утвердился еще при Константине, Валентиниану пришлось, воспользовавшись возникшей необходимостью, поставить вне закона все сделки, связанные с продажей сельских рабов отдельно от имений. В постановлении Валентиниана, Валента и Грациана, правда, ничего прямо не говорится о нуждах фиска, но сельские рабы, о которых идет речь, названы «*censiti*»; само же постановление как бы объясняется заботой об обработке имений, которые забрасываются некоторыми лицами, легкомысленно, с точки зрения государства, распродающими нужных на земле работников. Однако такая постановка вопроса не должна вводить нас в заблуждение, ведь и в кодексе эта конституция помещена под титулом «*De agricolis censitis vel colonis*». Неоднократное упоминание запрета разделять рабов и имение в законодательстве IV в., видимо, было следствием того, что рабовладельцы не желали мириться с ограничением их абсолютных прав на раба. Поэтому вряд ли стоит видеть в этих запретах специально заботу

⁷³ Оригинарии этой конституции обычно считаются колонами. Одни исследователи полагают, что конституция была издана для сельских рабов, а оригинарии в ней упомянуты по аналогии (*Eibach. Op. cit. S. 136, 208*), другие считают запрет продажи рабов подражанием мерам относительно колонов (*Виноградов. Ук. соч. С. 47; Saumagne. Op. cit. P. 541*). Нам представляется, что специальный интерес авторов конституции здесь направлен на сельских рабов, а оригинарии выступают как привычный образец, поскольку незаконность их продажи без земли была очевидна для всех: ведь они были лично свободными.

⁷⁴ Попытки отделить землю от работников неоднократно фиксировались императорским законодательством. В Кодексах сохранились лишь несколько конституций IV в.: C.Th. XIII.10.3 = C.I.XI.48.2 — 357 г.; C.I.XI.48.7 — 371 г.; C.I.XI.63.3 — 383 г.; ср. C.Th. V.6.3 — 409 г. Это не позволяет согласиться с мнением, согласно которому уже во II—III вв. у юристов сложилось убеждение, подкрепленное практикой, что орудия производства без работника не могут принести пользы наследующему их (см. прим. 55).

⁷⁵ Освободив имение от обложения, затем можно было обрабатывать его другими рабами и колонами, которые до очередного ценза оказывались свободными от податей и повинностей в пользу государства. Возможно, такая ситуация имеется в виду в C.I.XI.63.3 — 383 г., запрещающей посессорам патримониальных имений выселять оттуда «древнейших колонов» (*colonos antiquissimos*).

об обработке имений⁷⁶. Их обработка заботила правительство преимущественно в связи с получением с них налогов. Иными словами, политика государства, прикреплявшего сельских рабов и колонов к имению, была направлена не на увеличение общей массы производимого продукта, а порождалась стремлением перераспределить доход с имений в свою пользу. Поэтому «забота» государства в большей степени вызывала сопротивление землевладельцев, чем шла на благо их имениям⁷⁷.

Одновременно с появлением в законодательстве запретов продавать сельских рабов отдельно от имений в конституциях Константина утверждается и новая норма, запрещавшая потомственным колонам покидать имения (CTh.V.17.1—332 г.). Взаимосвязь прикрепления к имениям юридически свободных колонов и сельских рабов, которые задолго до того стали равным образом вписываться в ценз имения (Dig. 50.15.4.5 и 8) очевидна. Поэтому ни то, ни другое нельзя считать следствием каких-то частных практических шагов правительства. Без сомнения, юридическое прикрепление работников сельских имений было подготовлено длительным предшествующим развитием общественных отношений. Однако думается, что понимание этого развития только как эволюции производственных отношений в сельском хозяйстве, ремесле и других сферах экономики слишком узко. Такой подход приводит к «выпрямлению» связи между развитием отношений непосредственно в производстве и юридической фиксацией работников в хозяйствах. При этом требуется преодолеть временной разрыв между переходом к латифундальному хозяйству в I—II вв. и юридическим прикреплением работников к нему в IV в. Естественно поэтому, что в рамках представлений, складывающихся на основе указанного подхода, II и III века выглядят временем, когда происходило формирование той фактической крепости имениям («работник — средства производства»), которая была юридически зафиксирована в IV в. Логика такой концепции привлекательна, но не учитывает прежде всего богатства и разнообразия форм производственных отношений в сельском хозяйстве разных провинций, которые составляли альтернативу рабовладельческому хозяйству. Римское правовое мышление, налагая свою понятийную сетку на эти формы, в I—II вв. могло рассматривать их лишь в облике специфических античных представлений. Поэтому распространение в римском праве II—III вв. правовых норм, кажущихся отличными от норм эпохи классического рабовладения (и соответственно эпохи аренды типа *locatio — conductio*), отражало эволюцию не столько производственных отношений в сельском хозяйстве, сколько взаимоотношений права и действительности. Поначалу она происходила в рамках традиционных правовых норм классической античности (и создала тот феномен, который называется классическим римским правом) и потому не могла быть

⁷⁶ *Фюстель де Куланж*. Ук. соч. С. 68. Прим. 1; *Тарасова И. П.* К вопросу о правовом положении рабов в Поздней Римской империи // УЗЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 28. № 251. С. 77.

⁷⁷ Более отчетливо характер такого рода «заботы» выступает в конституциях, запрещавших чиновникам при неуплате податей отбирать из имений в залог рабов-пахарей и быков, используемых для пахоты, «из-за чего задерживается внесение податей» — см. CTh. II.30.1 = CI.VIII.16.7 — 315 г.; CTh.XI.9.1 — 323 г.; CTh.XI.11.1 = CI.XI.55.2 — 368 г.? Считается, что эти конституции имеют в виду крестьянские хозяйства (*Лебедева*. Социальная структура... С. 48—49). Злоупотребления чиновников грозили самому их существованию, и в этом смысле покровительство государства объективно было направлено на обеспечение их нормального функционирования. Однако не менее очевидно, что последнее интересовало государство не как самоцель, а как источник дохода.

достаточно радикальной. Но античные правовые формы не могли удовлетворительно отразить провинциальные отношения, которые по мере повышения роли провинций в римской государственной жизни и уравнивания их с Италией требовали все более адекватной их оценки в праве. Иными словами, внутреннее развитие всей той совокупности общественных отношений, которую мы определяем понятием «Римская империя»⁷⁸, направляло и эволюцию правовых норм. Кризис III в. привел прежде всего к перестройке политической системы, которая стала более адекватной условиям империи. Это не могло не оказать влияния на развитие рабовладельческих отношений. К. Маркс писал: «...рабовладельческое гражданское общество было той естественной основой, на которой зиждилось античное государство. Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом»⁷⁹. Реорганизованная в конце III — начале IV в. государственная система начала осуществлять мероприятия по приведению в соответствие давно сложившихся реальных производственных отношений и форм, в которые они облекались господствовавшим правом. Так, начиная с IV в. в правовые отношения стали активно проникать нормы, отличные от норм классического римского права, начался процесс, получивший название «вульгаризации» римского права. Одним из его проявлений можно считать изменение статуса сельского раба.

Таким образом, в вопросе прикрепления сельских рабов, как и другого рода работников, государство выступало не как выразитель частных интересов класса крупных земельных собственников. Новая государственная система осуществляла эти мероприятия в общегосударственных интересах господствующих классов⁸⁰. Недостаток рабочей силы, на который ссылаются, говоря о прикреплении земледельцев к имениям, может быть осмыслен и как возрастание ее ценности. Последнее должно было все более проявляться по мере уравнивания провинций с Италией, которое вело от прямой их эксплуатации центром к более сложным отношениям. Во II—III вв., особенно после эдикта Каракаллы, обеспеченность прав провинциалов резко возросла. Изменения в общественной структуре империи, продолжением которых было изменение соотношения между империей и ее ближайшим окружением, поставило и новые социальные задачи перед обществом, и новые юридические задачи перед римским правом. Одной из них было удовлетворение потребностей ремесленного и сельскохозяйственного производства в рабочей силе. Если прежде государство в основном осуществляло эту свою функцию при помощи захватов пленных, то теперь центр тяжести постепенно перемещается на правовое регулирование. Видимо, с этим связано и отмечаемое в литературе сокращение сведений источников (особенно юридических) о внешних источниках рабства и возрастание — о внутренних⁸¹. Соответственно меняется и соотношение ин-

⁷⁸ Уместно вспомнить здесь, что государство — не только аппарат, обладающий определенной самостоятельностью по отношению к породившим его классам, но, как писал К. Маркс, «с политической точки зрения государство и устройство общества — на две разные вещи. Государство есть устройство общества» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 439).

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 440.

⁸⁰ Методологическая правомерность такого подхода подтверждается сходной оценкой В. И. Лениным царской власти в России: «...Классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 32). На европейском материале об этом см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 172.

⁸¹ Корсунский. О положении рабов... С. 49; Westermann. Op. cit. P. 96 ff.; Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии // Византийские очерки. М., 1971. С.

интересов отдельных рабовладельцев и государства в целом. Раньше их интересы были взаимосвязаны, теперь же становится более ясным разделение на общий интерес, выражавшийся государством, и разошедшиеся между собой интересы тех или иных групп рабовладельцев. В наиболее общем виде интересы последних выражались в обеспечении хозяйства рабочими руками, интересы государства — в обеспечении успешного взимания налогов. Понятно, что и тот, и другой интерес были связаны: взимание налогов зависело от обеспеченности хозяйств рабочими руками. Поэтому полностью разделить фискальные интересы и вопрос о недостатке рабочих рук невозможно. Это объективная, существенная сторона вопроса. На практике политика правительства исходила прежде всего из общегосударственных, т. е. фактически его собственных, интересов и только во вторую очередь учитывала интересы крупных или экзимирированных, или же муниципальных землевладельцев.

72—73; Штаерман, Трофимова. Ук. соч. С. 14—25; Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // ВВ. 1973. Т. 35. С. 34—37; 1974. Т. 36. С. 42.

L'ATTACHEMENT DES ESCLAVES RURAUX AU DOMAINE DANS L'EMPIRE ROMAIN (LES MONUMENTS DU DROIT ROMAIN EN TANT QUE SOURCES HISTORIQUES)

A. V. Koptev

L'auteur examine deux problèmes: la date et le caractère de l'attache liant les esclaves ruraux au domaine, d'une part, et ses conséquences, d'autre part.

1. L'époque de l'attachement des esclaves ruraux.

Un examen des textes juridiques sur les esclaves quasi-colons, les concepts *fundus cum instrumento* et *fundus instructus* incite l'auteur à se dresser contre l'opinion selon laquelle le rattachement au domaine des personnes qui le travaillent, en particulier des esclaves, serait déjà attesté par des textes du IIIe s. A son avis, on ne peut parler d'une attache juridiquement stipulée des esclaves à la terre que par rapport aux constitutions impériales du IVe s., cette attache ayant d'ailleurs pris forme non dans CJ, XI, 48, 7—371, mais au début du IVe s., en même temps que l'attachement des colons héréditaires. C'est justement l'apparition d'une dépendance *da facto* de ces derniers par rapport aux domaines pendant les IIe et IIIe ss. qui a déterminé la constitution du complexe domaine — agriculteur. Cependant, cela ne pouvait nullement se manifester par un développement du concept *d'instrumentum*. Celui-ci enregistre un changement dans la condition des esclaves ruraux. Mais ce changement était non une séparation par rapport à toute la *familia* rurale restante des esclaves employés comme colons, mais une division de ces esclaves en deux catégories: les affermataires du domaine, qui versaient un fermage fixe à leur maître, et ceux qui travaillaient *fide dominica*. Au Ier s., il existait deux points de vue sur la composition de l'*instrumentum*: «seulement la non-vivant» (Alfen.) ou «tout ce qui se trouve dans le domaine non provisoirement et pour le travailler» (Sabin.). Aux IIe—IIIe ss. ces derniers commencèrent à se subdiviser en ceux qui étaient quelque chose d'extérieur par rapport au domaine et ceux qui constituaient avec lui un tout, d'est-à-dire étaient en lui *pro instrumento*. Cette division avait peut-être une parallèle parmi les colons qui se divisaient en affermataires sur contrat et en bailleurs livrant une part déterminée de leur récolte et vivant en permanence dans le domaine. La différence entre ces catégories d'es-

claves était non dans une utilisation différente, mais dans un contenu différent de leur quasidroït de disposer du pécule.

2. Les conséquences de l'attachement des esclaves ruraux.

Le rattachement des esclaves ruraux stimulait la recherche de modes plus rationnels et rentables d'exploitation de la main d'oeuvre. D'un côté, cela entraînait dans le Bas Empire un accroissement de l'indépendance économique de masses croissantes d'esclaves ; de l'autre, cela faisait croître le nombre d'esclaves affranchis qui devenaient des colons dépendants. Il est possible qu'au IVe s. cas affranchis devenus colons obtenaient la citoyenneté romaine et figuraient dans les constitutions impériales en tant qu'*originarii*. L'assujettissement de ces affranchis au pouvoir d'un patron et de ses héritiers était sans doute lié à la propagation de leur asservissement pour « ingratitude ». Leur statut avait une influence directe sur la constitution du statut des colons dépendants issus d'hommes libres attachés aux domaines, et à mesure que celui-ci mûrissait, les propriétaires d'esclaves affranchissaient de plus en plus volontiers les esclaves ruraux. Un tournant qualitatif s'opéra à la fin du IVe et dans la première moitié du Ve s., après quoi les différences statutaires entre les agriculteurs — esclaves et les agriculteurs dépendants d'origine libre perdirent toute importance. C'est peut-être pour cela que furent abolies sous Justinien les catégories de latins-juniens, de déditiciens, de liberté latine, de senatusconsultus claudien, les lois de Fufius Caninius, Junius Norbanus etc. Mais jusqu'au début du Ve s. une partie des propriétaires d'esclaves ne fut pas pressée d'affranchir les esclaves ruraux, en se bornant à leur accorder le pouvoir de disposer du pécule et de s'en servir pour mener des affaires. Cela s'est traduit juridiquement par des tentatives de conférer aux esclaves la liberté de disposer du pécule. Mais elles ne pouvaient pas être conséquentes et aboutirent à l'apparition de la *libera peculii administratio* en tant qu'autre forme de quasi-capacité juridique des esclaves.